

времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я извѣсно много рѣчей. Наконецъ, очередь его видѣть въ послѣдній разъ, но и те- дошла до Ленскаго. Онъ попросилъ раз- рѣшенія разсказать только-что видѣнный имъ сонъ и прочиталъ слѣдующее сти- хотвореніе:

Въ изсохшемъ, въ лавровомъ вѣнкѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ
Мочаловъ сейчасъ мнѣ приснился.
Поконникъ вздохнулъ, прослезился
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
«Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
Вѣнчалъ меня Щепкинъ во гробѣ;
Давно ужъ въ земной я утробѣ,
Покоюсь по воли Христа,
А нѣтъ надо мною креста!
Подъ сѣномъ заглохла могила,
И трудно дойти до нея,
Москва обо мнѣ позабыла,
А я былъ любимцемъ ея».
Итакъ, благородные гости,
Внемлите вы просьбѣ моей,
Утѣшимъ Мочалова кости,
Поставивъ ему мавзолей!
Пусть каждый, насколько угодно,
Подпишетъ по силѣ своей,
И кончимъ тогда превосходно
Мы щепкинский здѣсь юбилей!

Тутъ же были собраны деньги, на ко- торыя и соорудили на могилѣ Мочалова памятникъ, представляющій колонну фи- ландскаго гранита. На немъ вырѣзаны слова стихотворенія того же Д. Т. Лен- скаго:

Ты смѣлъ безумцемъ въ мірѣ этомъ
И бѣдникомъ ты опочилъ
И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
Земное счастье находишь.
Такъ спи, безумный другъ Шекспира,
Оправданъ вѣчности Отцомъ.
Вѣнчалъ Онъ, что премудрость міра —
Безумство предъ Его судомъ!

Ю. М.

Была пора, театра зала
То замарала, то стонала,
И незнакомый мнѣ сосѣдъ
Сжималъ мнѣ судорожно руку
И самъ я жалъ ему въ отвѣтъ,
Въ душѣ испытывая муку,
Которой и названыя нѣтъ.
Толпа, какъ звѣрь голодный, выла,
То проклинала, то любила:
Всесильно властвовала надъ ней
Могучій, грозный чародѣй.

Этимъ чародѣемъ былъ Мочаловъ, вла- дѣвшій огромнымъ запасомъ художествен- ныхъ силъ; но, къ сожалѣнію, онъ былъ актеромъ самородкомъ, талантъ котораго былъ недостаточно развитъ и всегда зави- сѣлъ отъ вдохновенія. Всей своей дѣя- тельностью Мочаловъ доказалъ, что при- родныя средства, какъ бы они ни были велики, безъ искусства доставляютъ тор- жество только временное, и часто чело- вѣкъ ихъ лишается именно въ ту пору жизни, когда бы имъ слѣдовало быть въ полномъ развитіи. Мочалову очень рѣдко удавалось провести свою роль одинаково хорошо отъ начала до конца, но онъ ча- сто держалъ зрителей подъ неотрази- мымъ обаяніемъ тѣхъ могуществен- ныхъ впечатлѣній, которыя производи- ли на нихъ страстная, простая и въ высшей степени натуральная игра, хотя и здѣсь бывали неровности, но зритель былъ такъ увлеченъ, что не замѣчалъ промаховъ. Когда у Мочалова появлялось вдохновеніе, онъ вырасталъ недостижимо — манеры его мгновенно обла- гораживались, лицо и голосъ измѣнялись, — и на сценѣ оказывался совершенно дру- гой челоуѣкъ. Въ одной и той же роли онъ бывалъ то на высотѣ художествен- наго творчества, то ниже всякой посред- ственности. Извѣстный драматическій пи- сатель и страстный театралъ князь Ша- ховской такъ опредѣлялъ талантъ Моча- лова: «бѣда, если Мочаловъ начнетъ раз- суждать, и я всегда прошу его объ одномъ, чтобы онъ старался играть и старался не думать, что на него смотритъ публика. Это — геній по инстинкту, ему надо вы- чить роль и сыграть — попалъ, такъ вы- деть чудо, а не попалъ, такъ выдетъ дрянъ!»

Мочаловъ дичился людей и никогда не любилъ бывать въ обществѣ. Онъ всегда очень конфузился, когда узнавалъ, что кто-нибудь явится въ театръ для того, чтобы смотрѣть исключительно его игру. Однажды давали комедію князя Шахов- ского «Пустодомы». Авторъ пріѣхалъ смотрѣть пьесу и усѣлся въ ложѣ такъ, что его не было видно со сцены. Игра Мочалова на этотъ разъ привела всѣхъ въ неописуемый восторгъ, такъ она была проста и художественна. Шаховской умилился чуть не до слезъ и сейчасъ же послѣ спектакля пошелъ въ уборную Мочалова, сталъ обнимать его и дрожа- щимъ голосомъ говорилъ: «Талья! Ка- кой ты Талья! Онъ въ слуги тебѣ не годится; ты былъ сегодня Богъ!» Прошло нѣсколько дней. Въ Москву пріѣхалъ всего на нѣсколько дней какой-то из- вѣстный писатель. Чтобы похвастать та- лантомъ Мочалова, Шаховской упрости- директѣ театровъ Кокшкіна опять поставить «Пустодомовъ». Мочаловъ какъ- то провѣдалъ, что писатель пріѣдетъ въ театръ спеціально, чтобы смотрѣть его игру, и игралъ отвратительно, ломался, безъ толку махалъ руками положитель- но былъ неузнаваемъ.

Разсказываютъ, что А. С. Пушкинъ однажды случайно зашелъ въ театръ по- смотрѣть Мочалова къ пьесѣ кня. Шахов- ского «Керимъ-Гирей», передѣланной изъ «Бахчисарайскаго фонтана». Мочаловъ не зналъ о присутствіи поэта въ театрѣ и игралъ замѣчательно хорошо; монологи первого дѣйствія, начинающіеся словами:

Ея плѣнительныя очи
Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи...

онъ провелъ такъ превосходно, что Пуш- кинъ будто бы сказалъ: «Совсѣмъ за- ставилъ меня позабыть, что я — въ театрѣ!»

Многіе современники оравнивали игру Мочалова съ игрой Каратыгина. Картина- ное оравненіе обоихъ трагиковъ даетъ Ап. Григорьевъ: «Каратыгинъ — это изящ- но распланированный садъ съ чистыми аллеями, роскошными клумбами и бар- хатными лужайками, природа, подчинен- ная требованіямъ искусства: умытая, подстриженная, выхоленная. Мочаловъ — здѣсь дремучій: тутъ и громадная осона, и плачущая береза, и дубъ-великанъ ра- стущій себѣ въ перемежку, оплетающій и корнями и сучьями, — словомъ, природа-матушка».

Родился Мочаловъ въ Москвѣ, 29 мая 1800 г. Онъ происходилъ изъ арти- стической семьи. Отецъ его, Степанъ Ѳедоровичъ, былъ въ свое время любим- цемъ публики и отличался необыкновен- но красивою внѣшностью. Сценическое поприще знаменитаго Мочалова началось въ 1819 году, когда отецъ его поста- вилъ въ свой бенефисъ трагедію «Эдипъ въ Афинахъ», самъ взялъ роль Эдипа, сыну далъ роль Полиника, а дочери — Антигоны (актриса Мочалова недолго служила на сценѣ московскаго театра она вкорѣ вышла замужъ за очень бо- гатаго помѣщика, который впоследствии проигралъ все свое огромное состояніе и бросилъ жену; послѣдняя должна была опять поступить на сцену, а затѣмъ дер- жала театръ въ Вологдѣ).

Періодъ наибольшей славы Мочалова относится къ 30 годамъ, когда онъ сталъ выступать въ трагедіяхъ Шекспира. Тор- жествомъ Мочалова были роли Отелло, Гамлета и Мейнау (въ драмѣ Кодебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе»).

Умеръ Мочаловъ въ 1848 году и былъ похороненъ въ Москвѣ на Вагань- ковомъ кладбищѣ.

Смерть его опечалила многихъ. Щеп- кинъ писалъ тогда Шумокому: «Россія лишилась могучаго таланта! Что дѣлать, если онъ, по нашему разумію, не ос- вѣтъ удовлетворялъ насъ, но мы уже не услышимъ тѣхъ потрясающихъ душу звуковъ, не увидимъ тѣхъ восторжен- ныхъ мгновеній, которыя часто проры- вались сквозь его нелѣпыя формы».

Въ 1855 году М. С. Щепкинъ празд- новалъ пятидесятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности. Въ дворян- скомъ собраніи въ честь юбиляра былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ было про-

Павелъ Степановичъ Мочаловъ.

Вчера исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія П. С. Мочалова.

«Сценическое искусство есть искусство неблагодарное, потому что оно живетъ только въ минуту творчества, и могуще- ственно дѣйствуя на душу въ настоя- щемъ, оно неуловимо въ прошедшемъ. Какъ воспоминаніе, игра актера жива для того, кто былъ ею потрясенъ, но не для того, кому бы онъ хотѣлъ передать свое о ней понятіе», — эту мысль высказалъ Бѣлинскій, приступая къ критическому разбору исполненія Мочаловымъ роли Гамлета.

Дѣйствительно, профессія актера — самая неблагодарная. Конечно, только въ долю очень немногихъ художниковъ выпадаетъ столько овацій, какъ на долю актера, но за то послѣ смерти каждого художника остаются его творенія, а искусство и творенія актера умираютъ вмѣстѣ съ нимъ; послѣ него остается только имя безъ ху- дожественнаго обаянія, окружавшаго его при жизни. Но что такое имя? — «Звукъ безъ значенія, который бросать вамъ ча- сто безъ вашей заслуги или отнимутъ безъ вашей вины», — какъ сказалъ Шек- спиръ.

Мочалову почастишилось болѣе, чѣмъ другимъ: онъ еще при жизни нашелъ себѣ вдохновеннаго критика въ лицѣ Бѣ- линскаго, посвятившаго ему много востор- женныхъ статей. Бѣлинскій находилъ особенно очаровательнымъ голосъ Моча- лова, въ которомъ были слышны и «гро- мовой рокотъ страсти, и порывистые кри- ки бѣшенства и мщенія, и тихій шепотъ, который раздавался по всему театру и доходилъ до слуха и сердца каждого зри- теля». Лицо Мочалова было создано для сцены — красивое и пріятное, оно было измѣнчиво, подвижно — настоящее зеркало всевозможныхъ оттѣнковъ ощущеній, чувствъ, страстей.

Въ минуты вдохновенія Мочаловъ по- рабощалъ зрителя, потрясалъ его до глу- бины души и держалъ въ какомъ-то оцѣ- пенѣніи. А. Д. Гадаховъ въ своихъ вос- поминаніяхъ замѣчаетъ: «Мнѣ трудно говорить о Мочаловѣ равнодушно. Много